

Младенчество и первая юность Одессы въ раз- сказѣ итальянцевъ-современниковъ.

Римскій книгопродавецъ - антикварій dr. Ванъ Риль (Van Riel) доставилъ мнѣ теньскую брошюрку 1817 года in 8, напечатанную во Флоренціи, въ типографіи Якоря (Insegna dell'Anchora), подъ названіемъ „Notizie di Odessa“, „Извѣстія объ Одессѣ“. Брошюра вышла въ свѣтъ, когда Одессѣ наступило гражданское совершеннолѣтіе: 21 годъ. Но содержаніе брошюры застаётъ Одессу еще моложе, такъ какъ большая часть описанія относится къ первымъ годамъ царствованія Александра I. Принадлежитъ оно довольно нескладному, за то очень дѣльному перу г. Л. К. (Sig. L. C.). Подъ этими инициалами скрывается, должно быть, какой-нибудь весьма практической арматоръ изъ Ливорно. Специалисты по исторіи Одессы, можетъ быть, и узнаютъ, кто это такой, — я не знаю. Послѣ записки Л. К. брошюра дѣлаетъ хронологическій скачекъ на 10 лѣтъ впередъ и показываетъ Одессу уже въ 1816 году, въ моментъ ея посѣщенія великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, впоследствии императоромъ. Отношеніе итальянской брошюры къ Одессѣ, въ общемъ, панегирическое. Авторы не скрываютъ, что ихъ прямая цѣль — расшевелить итальянскихъ негоціантовъ къ развитію торговаго обмѣна съ новымъ портомъ, будущность котораго они изображаютъ грандіозною: „Одесса должна встать вровень, — если только она не превзойдетъ ихъ, — съ главнѣйшими ввозными рынками обширной Русской Имперіи. Тѣмъ не менѣе, какъ мы увидимъ, брошюра не носитъ характера „заманиловки“ и не скрываетъ отрицательныхъ сторонъ молодого города. Напрасно было бы искать въ брошюрѣ какихъ-либо историческихъ, этнографиче-

скихъ, поэтическихъ и эстетическихъ взглядовъ. Для авторовъ-практиковъ, Одесса простое новое поле, гдѣ можно сдѣлать капиталаецъ, *dove si fanno soldi*, и все, что требуется для охотника *fare soldi*, въ ней есть, а на большемъ не взыщите. Видовъ Одессы и бытовыхъ картинъ Новороссіи къ брошюрѣ не приложено, но есть планъ порта и рейда, сдѣланный инженеромъ Ла Пи (La Pie) и — одесскій биржевой бюллетень отъ октября 1816 года (ст. стилия), изъ коего слѣдуетъ, что ведро малаги въ этотъ день стоило отъ 40 до 45 р. ассигнаціями, четверть крупчатки (*grano tenero*) отъ 41 до 43¹/₂, пшеницы отъ 41 до 45, а серебряный рубль—4 р. 4 копѣйки ассигнаціями.

Авторы осыпаютъ хвалами Екатерину II, Александра I и, въ особенности, дюка де Ришелье. Послѣдній, кажется, лишь однимъ ихъ разогорчилъ: закрывъ городъ со стороны моря какими-то сооруженіями, лишилъ негоціантовъ удовольствія видѣть, какъ приходятъ суда.

Богатырскій ростъ Одессы, дѣйствительно, рисуется въ итальянской брошюрѣ почти чудотворно.

Можно пропустить безъ вниманія краткую исторію превращенія турецкой деревушки Хаджибея въ портовый городъ Одессу: брошюра не вноситъ въ эту исторію какихъ-либо новыхъ чертъ.

Въ 1794 году Одесса едва извѣстна.

Въ 1796 году въ ея, еще лишь сооруженный, портъ вошло 60 судовъ подъ флагами австрійскимъ, неаполитанскимъ, русскимъ и греческимъ.

Въ 1799 году въ ней 5 церквей, капелла, синагога, 506 каменныхъ домовъ, 300 торговыхъ заведеній (*botteghe*), 5 гостиницъ, 36 складовъ и 18 фонтановъ. Число жителей обоого пола достигло 4.847, изъ нихъ 400 иностранцевъ и 300 евреевъ.

Въ 1802 году въ Одессѣ около 800 домовъ, а иностранцы получили свое особое управленіе. Франція учреждаетъ въ Одессѣ генеральное консульство, Австрія, Англія, Испанія, Неаполь, республики Рагузы и Ионическихъ острововъ присылаютъ въ нее консуловъ.

Въ 1803 году въ Одессѣ было уже 5 первоклассныхъ коммерческихъ фирмъ и нѣсколько маклеровъ.

Въ 1804 число жителей достигло почти 10.000, а число домовъ—1.400.

20 іюня 1816 года (день, когда въ Одессу прибылъ в. кн. Николай Павловичъ, впослѣдствіи Императоръ) Одесса считала

въ себѣ 35.000 жителей, 1.780 каменныхъ домовъ, 220 деревянныхъ, 250 магазиновъ и драматическій театръ, въ которомъ играли по-русски и по-итальянски.

Авторы брошюры находятъ Одессу удачнѣйшею находкою, которую когда-либо дѣлало русское правительство. Выстроена она въ результатѣ Очаковскаго разгрома и какъ бы культурнымъ оплотомъ противъ Турціи. Но, въ воспитаніи и развитіи своемъ, она счастливое дитя раздѣла Польши. Нельзя было искуснѣе вырыть каналъ для стока богатствъ изъ доставшихся Россіи польскихъ областей, Галиціи, которою завладѣла Австрія, и вассальныхъ туркамъ княжествъ, съ Бессарабіей, какъ создавъ этотъ русскій приморскій городъ между Днѣстромъ и Бугомъ, рынокъ-ключъ къ Константинополю и Средиземному морю. По взглядамъ нашихъ итальянцевъ, Одесса — городъ, неуязвимый въ торговомъ отношеніи. Даже войны Россіи съ Оттоманскою Портою приглушили новорожденную одесскую коммерцію лишь на короткій срокъ, послѣ котораго съ тѣмъ большею энергіей развивалась — искусственно задержанная — потребность Средиземнаго бассейна въ ея вывозѣ. Что касается до Наполеоновскихъ войнъ, то онѣ оказались для Одессы такими же кормильцами и поильцами, какъ раздѣлъ Польши. Одесса, до извѣстной степени, стала крѣпнуть на костяхъ тѣхъ, кто сложилъ свои головы въ европейскихъ кампаніяхъ 1813—1815 гг. „Нужда въ сѣстныхъ припасахъ, которую испытывала Европа въ эти послѣдніе три года, настолько перетянула коммерческій балансъ въ пользу одесскаго рынка, что мудро и вычислить громадныя суммы, хлынувшія (изъ Европы) въ кассы его негоціантовъ для закупа хлѣба“. Множество негоціантовъ французскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, не считая своихъ, русскихъ, понесли въ Одессу свои капиталы и свою энергію.

Такъ какъ постоянный житель Одессы и Херсона, будучи обладателемъ недвижимой собственности или за поручительствомъ собственниковъ, пріобрѣталъ право снаряжать и отправлять суда свои подъ русскимъ флагомъ, то съ этого времени русскій коммерческій флагъ становится гостемъ постояннымъ, повсемѣстнымъ и частымъ во всѣхъ портахъ Средиземнаго моря. Вотъ какъ итальянцы рисуютъ картину роста одесскаго порта.

Въ 1796 году одесскій портъ обновленъ 60 флагами.

Въ 1802 году одесскій рейдъ, немного лѣтъ назадъ едва посѣщаемый случайно захожими турецкими барками, принялъ

338 судна, изъ коихъ 272 ушли съ грузомъ. Вывозъ поднялся до 1.520.671 р. 7 коп., а ввозъ до 772.047 р. 94 коп. Балансъ въ пользу Россіи давалъ уже 758.628 р. 76 к., не считая ввозныхъ пошлинъ.

Въ 1803 году число судовъ возрастаетъ до 552. Что касается вывоза, то лишь подольскаго и украинскаго хлѣба было въ этомъ году погружено на сумму 1¹/₂ милл. рублей.

Въ 1805 году Одесса пріютила уже 1.002 судна. Болѣе всего англійскихъ—509, затѣмъ отъ разныхъ германскихъ государствъ и вольныхъ городовъ—213, есть уже американцы—70, меньше всего португальцевъ—12; итальянцевъ почему-то совсѣмъ не было. Своихъ русскихъ еще только 29. Въ томъ числѣ, всего 360 пришли съ торговымъ грузомъ, 112 частію съ грузомъ, частію съ балластомъ, и остальные всѣ только съ балластомъ. А выпустилъ обратно одесскій портъ въ томъ же году 960 судовъ, изъ нихъ съ хлѣбнымъ грузомъ 815. „Въ три съ половиною года Одесса перегнала коммерческія операціи портовъ Петербургскаго и Кронштадтскаго, а вѣдь для того, чтобы достигнуть такихъ цифръ, этимъ двумъ портамъ надо было развиваться болѣе 80 лѣтъ“.

Въ 1816 году въ теченіе весны послѣ 1 марта,—такъ какъ, въ эпоху паруснаго флота, Черное море зимою считалось несудоходнымъ,—въ одесскій портъ прибыли 498 судовъ подъ всевозможными флагами, со ввозомъ иностранныхъ товаровъ на 1¹/₂ милліона рублей. И 249 изъ этихъ судовъ уже вышли изъ порта обратно съ грузомъ русскихъ продуктовъ на сумму 15.220.000 рублей. Во вторую половину года величайшее множество судовъ прибывало за хлѣбными грузами, главный подвозъ которыхъ въ Одессу былъ въ августѣ. Поэтому жизнь въ Одессѣ,—въ особенности съѣстные припасы,—въ эту пору начинала дорожать и въ сентябрѣ, что называется, кусалась. О значительности выпускаемыхъ Одессою грузовъ авторъ брошюры предлагаетъ судить по тому, что „уже одинъ портъ въ Ливорно еженедѣльно принимаетъ пять-шесть судовъ изъ Одессы, не считая зафрахтованныхъ въ другіе порты Средиземнаго и Адриатическаго моря“. Весь вывозъ Одессы въ Средиземный бассейнъ авторъ опредѣляетъ для 1816 года не менѣе, какъ въ 50 милліоновъ рублей. „Несмотря на то, что ввозъ иностранныхъ товаровъ былъ въ этомъ году выше предыдущихъ, торговый балансъ такъ рѣзко склоняется въ пользу одесскаго рынка, что обезпечиваетъ ему необычайныя прибыли (straordi-

pario vantaggio)". Главный предмет одесскаго вывоза, конечно, какъ и теперь, былъ—польское (т. е. изъ Подольской, Волынской губ. и изъ Бессарабіи) зерно. Уже въ 1803 году Одесса нагрузила имъ 600 судовъ. „Зерна—два сорта: пшеница (grano duro) и крупчатка (grano tenero). Послѣдній труднѣе поддается перевозкѣ, такъ какъ портится въ пути, а между тѣмъ хлѣбныя магазины въ Одессѣ такъ ненадежны, зачастую страдая небрежностью въ необходимомъ присмотрѣ" (si trascurino piuttosto le diligenze). Другихъ товаровъ—ни изъ Россіи, черезъ Херсонъ на баркахъ, ни изъ Польши на возахъ,—почти не поступало. Синьоръ Л. К. упоминаетъ сало, коноплю, ленъ, воскъ, шерсть, поташъ, заячьи шкурки, но—лишь въ качествѣ второстепенныхъ товаровъ, не игравшихъ сколько-нибудь важной роли въ одесскомъ вывозѣ. Изъ Херсона хлѣбъ приходилъ на „тумбасахъ" (tombase)—родъ барокъ или галіотовъ (alleggi). Этого слова нѣтъ у Даля и въ старомъ академическомъ словарѣ. Перевозъ обходился въ 40—50 к. съ четверти (9½ пудовъ—330 французскихъ фунтовъ). Итальянецъ не хвалитъ этого пути: онъ не опасенъ за исключеніемъ развѣ только поздней осени, но капризенъ въ срокѣ, ибо зависитъ отъ вѣтровъ. Иной разъ для него достаточно одной ночи, а случается, что эти 180 верстъ барка ползетъ 10—15 дней.

Доставка польскаго хлѣба продолжалась съ мая по конецъ августа. „Возчики отправляются въ путь весною цѣлымъ отрядомъ или караваномъ, переходы ихъ опредѣляются усталостью воловъ; останавливаются таборами и пускаютъ воловъ пастись на необитаемыя степи вокругъ дороги,—такимъ образомъ, они свершаютъ путь, не истративъ ни копейки". Въ иной день входило въ Одессу 500, 700 даже 1.000 возовъ, запряженныхъ волами. Отсюда возникали большія затрудненія съ водопоемъ для столь огромнаго количества скота. Воды въ колодцахъ едва хватало по нуждѣ туземныхъ обывателей, и вотъ приходилось искать ее Богъ знаетъ, какъ далеко. Къ тому же воды не только было мало, но она была и дурного качества. Поэтому изъ двухъ-трехъ тысячъ воловъ, вошедшихъ въ Одессу, то и дѣло пропадала большая часть отъ худого водопоя. „Надо бы противъ этой бѣды еще нарыть колодцевъ, а, въ частности, воспользоваться водою источника, который не слишкомъ далеко отъ города" (Большой фонтанъ?).

Найти въ Одессѣ суда для фрахта было очень трудно. Поэтому они фрахтовались обыкновенно въ тѣхъ портахъ Средиземнаго моря, въ которые должны были возвратиться съ одес-

скимъ грузомъ. Въ Ливорно фрахты на Одессу въ октябрѣ 1816 года таксировались туда и обратно отъ 4 до 5 лиръ съ мѣшка (sacco, около $\frac{1}{3}$ четверти) плюсъ страховка въ 4 или 5 проц., „по обычаю ливорнезскому“.

Заботы правительства объ экспортѣ выразились въ 1803 году пониженіемъ на 25⁰/₀ таможенныхъ ставокъ, во всѣхъ портахъ Чернаго моря, какъ на ввозъ, такъ и на вывозъ. Но дѣйствительною эта мѣра оказалась только для вывоза, пошлины котораго оплачивались государственными ассигнаціями. Ввозныя же пошлины, хотя и пониженныя на 25⁰/₀, уплачивались непременно голландскими риксдалерами, по курсу 140 копѣекъ, гораздо низшему ихъ дѣйствительной стоимости. Кромѣ чисто таможенной доходности, эта мѣра преслѣдовала цѣль—развить въ странѣ обращеніе серебряной монеты. Понятно, что раздобываться голландскими риксдалерами было не такъ-то легко для импортеровъ изъ портовъ Чернаго моря. Поэтому таможеннымъ было разрѣшено принимать уплату пошлинъ банковыми билетами, но съ громаднымъ учетомъ послѣднихъ: изъ—50⁰/₀ суммы, подлежащей оплатѣ. Если счетъ таможи равнялся 100 рублямъ, то, согласно указу, уплатѣ подлежали въ немъ только 75, но, по разницѣ принудительной и настоящей курсовой цѣны на риксдалеры, эти 75 рублей таможенныхъ равнялись 112 р. 50 коп. бумажнымъ. Такъ что 100 рублей пошлины для экспортера равнялись 75 рублямъ ассигнаціями, а для импортера—112 р. 50 к. Съ транзита одесскаго на Молдавію и Валахію, черезъ таможи Могилевскую и Дубоссарскую, на Австрію черезъ Радзивиловъ, на Пруссію черезъ Кекзинцы, ввозныя пошлины были сняты указомъ Александра I, а вывозныя взымались, на названныхъ таможахъ, лишь въ размѣрѣ $\frac{1}{3}$ обложенія, слѣдуемаго съ заявленной суммы. Кромѣ таможенныхъ пошлинъ платилась пошлина полицейская (*Dazio di Polizia*) въ размѣрѣ одного процента съ заявленной стоимости. Безъ этой уплаты нельзя было получить необходимую таможенную квитанцію (*polizza di carico bollata*). Другимъ одновременнымъ указомъ Александръ учредилъ въ Одессѣ товарное депо. Ввозимые товары могли оставаться въ складахъ депо, безъ уплаты пошлинъ, 18 мѣсяцевъ; пошлины и полежалое очищались только по продажѣ товара для ввоза внутрь имперіи. Это облегченіе имѣло тѣмъ больше значенія, что пошлины въ Россіи были высокія, и очищать ихъ немедленно для негоціантовъ значило вынимать изъ дѣла своего немалую часть оборотнаго капитала. Провозъ товаровъ внутри имперіи на колесахъ такси-

ровался 6 октября 1816 года въ 2 р. (ассигнаціями) съ пуда на Броды и въ 2¹/₂ рубля—до Москвы.

Какъ въ Херсонѣ, такъ и въ Одессѣ, подобно тому, какъ и нынѣ въ левантинскихъ портовыхъ городахъ, находила широкое обращеніе монета иностраннаго чекана. Черезъ Броды и Константинополь въ Одессу притекали испанскіе піастры, талеры съ изображеніемъ Маріи Терезіи и голландскіе дукаты. Поэтому мѣняльнй промыселъ былъ широко развитъ, но отличался такою же произвольностью курсовъ, какъ сейчасъ въ Салоникахъ, Бейрутѣ и т. п., гдѣ на одномъ рынкѣ одну и ту же монету можно размѣнять по тремъ разнымъ валютамъ. Мѣдной монеты было мало, и промѣнъ мѣди на ассигнаціи былъ добычею ажіотажа до учрежденія Александромъ I размѣннаго банка, обязаннаго принимать мѣдь и ассигнаціи *al pari*.

Еще въ 1804 году одесскій денежный рынокъ замкнутъ и хаотиченъ. Биржа или сходка (*adunanza*) негоціантовъ учреждена была въ Одессѣ одновременно съ самимъ городомъ, но она долго не имѣла твердыхъ курсовъ, открытыхъ на иностранные рынки. Въ октябрѣ 1816 года они были установлены, и напечатанъ былъ первый биржевой бюллетень (въ брошюрѣ онъ приведенъ), съ курсами ввоза и вывоза, по сдѣлкамъ, засвидѣтельствованнымъ биржевыми маклерами.

Можетъ быть, кого-нибудь заинтересуетъ вексельный курсъ перваго одесскаго биржевого бюллетеня.

Cambi di Odessa li 6 Ottobre 1816 V. S.

Vienna a 2 mesi data 41¹/₈ a 41¹/₂ Rubli.

Constantinopoli a 21 giorno vista 78¹/₂ a 79.

Livorno d..... 4,68 a 4,67.

Genova 75 72.

Это, въ своемъ родѣ, была эра. Начиная съ 1816 года, расширяются страховыя операціи одесскаго рынка. Его состояніе начинаетъ внушительно отзываться на всѣхъ рынкахъ Средиземнаго моря, а въ особенности на Константинопольскомъ. „Въ настоящее время взоры всѣхъ спекулянтовъ въ портахъ средиземнаго бассейна—обращены въ сторону Одессы, и, по видимому, ея коммерція все будетъ расти и расти“ (*ha la buona apparenza di un continovo aumento*).

Авторъ брошюры особенно совѣтуетъ ѣдущимъ въ Одессу запасаться испанскимъ серебромъ (*pezze forti*), которое въ Одессѣ во всеобщемъ употребленіи, ходя по 260 копеекъ за монету. „А если пошлете по почтѣ въ Москву, съ страховкою

по $\frac{1}{2}\%$ со ста, то можете размѣнять по гораздо болѣе высокой валютѣ". Почта въ Одессѣ установилась правильно съ 1803 года, при чемъ итальянецъ хвалить ея дешевизну. „Плата за пересылку писемъ была уменьшена на половину"—противъ чего? Противъ общаго русскаго тарифа или прежняго мѣстнаго?—онъ не говоритъ. Контракты по срочнымъ поставкамъ свидѣтельствовались правительственнымъ маклеромъ. Должно быть, контракты соблюдались плохо, и управа на нарушителей была слабая. „Казалось бы приличнымъ,—говоритъ нашъ итальянецъ,—заставить русскихъ купцовъ исполнять свои обязательства (impegni) съ иностранными негоціантами съ тою же аккуратностью, которая требуется отъ купцовъ петербургскихъ; но возражаютъ на это: а ну, какъ—черезчуръ суровымъ примѣненіемъ закона—мы отобьемъ отъ Одессы охотниковъ завести въ этой новой колоніи коммерческія дѣла"? Столкновения интересовъ на почвѣ коммерціи или судоходства подлежали разбирательству спеціальнаго Совѣстнаго третейскаго суда (Tribunale dei arbitri). Стороны выбирали своихъ судей, а если не могли согласиться о таковыхъ, то правительство назначало ихъ ex officio.

Авторъ хвалить живительный климатъ Одессы, здоровый воздухъ, мягкую температуру. „Безграничныя равнины, ее окружающія, очень плодородны, но не обрабатываются за недостаткомъ рукъ. Эти обширныя степи или пустыни, буквально голыя, въ которыхъ кругозоръ только горизонтомъ ограниченъ, совершенно лишены лѣсовъ. Поэтому городу недостаетъ дровъ для топлива". Число домовъ и магазиновъ, хотя и быстро умножалось, однако не успѣвало за приростомъ населенія, пополняемаго наплывомъ иностранцевъ, и прогрессомъ коммерческихъ оборотовъ. Поэтому квартирныя платы стояли высочайшія. Дороги были и съѣстные припасы, въ особенности, вся привозная. Наоборотъ, привозъ иностранныхъ товаровъ былъ каждую весну настолько обиленъ, что значительно превосходилъ потребности провинцій, непосредственно обслуживаемыхъ Одесскимъ портомъ. Бутылка лучшаго испанскаго вина стоила 2 р. ассигнаціями: по тогдашнему курсу—50 копеекъ серебр. Около того же фунтъ кофе мокка, а низшіе сорта—въ половину. Икра—5 рублей пудъ (22 ассигн.) и т. п. Навозили всего этого такъ много, что привозъ 1803 г. былъ не распроданъ къ веснѣ 1804. Ввозъ иностранныхъ водокъ въ Одессу былъ строжайше запрещенъ. Въ 1804 году Императоръ разрѣшилъ ввозъ рома, но обложилъ его высокою пошлиною.

Улицы юной Одессы были широкія и длинныя, но не мощенныя, и тысячи возовъ, ежедневно по нимъ проходившихъ, мѣсили на нихъ то грязь, то пыль, что не мало отравляло жителямъ существованіе. Желавшимъ строиться отводились даровые участки земли съ единственнымъ обязательствомъ построиться на нихъ въ теченіе двухъ лѣтъ; въ противномъ случаѣ участокъ отбирался. Въ энергически строящемся городѣ всегда чувствовалась недостача рабочихъ рукъ; правительство старалось привлечь ихъ въ Одессу всевозможными льготами и средствами поощренія. Упоминаетъ брошюра о томъ, какъ русское правительство и, въ частности, одесская администрація старались развить эмиграцію въ Новороссію изъ Болгаріи, Молдавіи и Валахіи. Переселенцамъ давали домъ, пару воловъ, плугъ, снабжали ихъ земледѣльческимъ инвентаремъ по мѣрѣ надобности, а, главное, освобождали ихъ на 25 лѣтъ впередъ отъ налоговъ и рекрутчины.

Брошюра восхваляетъ одесскій портъ, но весьма отрицательно относится къ крѣпости, выстроенной генералъ-маіоромъ де-Больтою, и одобряетъ Ришелье, который обратилъ ее въ карантинъ, такъ какъ „крѣпость, расположенная на берегу моря, въ верстѣ отъ города, плохая защита послѣднему. Выстроена она очень хорошо, но валы (гамрагі) слабоваты, а близость глубокаго оврага дѣлаетъ ее неспособною къ долговременной защитѣ“. Для того, чтобы поддержать соорудительныя средства города въ тяжелыхъ расходахъ по работамъ въ Карантинѣ (Lazaretto) и Портѣ, императоръ Александръ, между прочими льготами и привилегіями, передалъ одесскому городскому обществу откупъ по продажѣ спиртныхъ напитковъ и десятую долю таможеннаго дохода, который уже въ 1803 г. достигъ 70.000 рублей. Очень хвалятъ итальянцы Карантинъ одесскій, скопированный въ статутѣ своемъ съ марсельскаго Bureau de la Santé. „Вамъ позволяютъ совершенно разгрузиться и принять обратный грузъ, 15 дней спустя послѣ вашего прихода, слѣдовательно, еще во время нашего карантина (считая таковой въ 35—40 дней). Затѣмъ, принявъ грузъ, вы можете отплыть—при условіи не сношаться съ городомъ. Всѣ эти порядки весьма благопріятны для торговли, а, между тѣмъ, нисколько не повредили покуда здоровью края,—настолько благоразумны и предусмотрительны принятыя противъ того мѣры“.

Вотъ, кажется, и все, что можно извлечь изъ итальянской одессофильской брошюры, которая видѣла и воспѣла, бряцающая если не на лирѣ, то на счетахъ, зарю прекраснаго города, про-

стоявшаго сто лѣтъ особнякомъ въ семьѣ русскихъ городовъ. Я почти не знаю Одессы, и потому для меня нечувствительны тѣ, можетъ быть, наивности, ошибки или маленькія лжи ради заманчивости, которыя авторы-итальянцы могли допустить по невѣжеству либо по чрезвчуръ послѣдовательному одессофильству и желанію заразить родную Тоскану своимъ энтузіазмомъ къ новому порту и хозяину его дюку де-Ришелье, „доказательствами благодѣяній и покровительства котораго засыпаны иностранцы, обильно обитающіе въ городѣ... Жители Одессы каждодневно благодарятъ судьбу свою съ тѣмъ, что у нихъ такой генераль-губернаторъ“...

Ну, такъ слышите ль, ребята,
 Какъ живали въ старину?
 Вотъ какъ жили при Аскольдѣ
 Ваши дѣды и отцы!..

Тѣ читатели, которые изучали Аскольдовы вѣка Одессы, благоволятъ ужъ сами внести должныя поправки въ легенду, если таковая въ томъ нуждается, и обратить ее въ исторію.

Александръ Амфитеатровъ.

